

М.В. Ломоносов

**Полное собрание сочинений Михаила
Васильевича Ломоносова издание 1803 года**

Часть первая

УДК 93
ББК 63.3
Л75

Л75 **Ломоносов М.В.**
Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова издание 1803 года: Часть первая / М.В. Ломоносов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 364 с.

ISBN 978-5-458-07643-2

Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Издание Императорской Академии наук 1803 года.

ISBN 978-5-458-07643-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ночью, какъ всё въ домѣ отца его спали, (д) надѣвъ двѣ рубашки и нагольной шулупъ, погнался за онымъ въ слѣдъ. Въ претій день насшилъ его въ семидесяти уже версшахъ. Караванной прикащикъ не хотѣлъ прежде взять его съ собою, но убѣжденъ бывъ прозвбою и слезами, чшобъ далъ ему посмонрѣшь Москвы, на конецъ согласился. Чрезъ при недѣли прибыли въ споличный сей городъ. Первую ночь проспалъ Ломоносовъ въ обшевняхъ у рыбнаго ряду. На завтрѣ проснулся шанъ рано, чшо еще всё шоварищи его спали. Въ Москвѣ не имѣлъ ни одного знакомаго человѣка; опъ рыбаковъ съ нимъ прѣхавшихъ не могъ ожидать никакой помощи; занимались они продажею шолько рыбы своей, со всѣмъ объ немъ не помышляя. Овладѣла душею его скорбь; началъ торько плакать; палъ на колѣни; обратилъ глаза къ ближней Церкви и молилъ усердно Бога, чшобъ его призрилъ и помиловалъ.

Какъ уже совсѣмъ разсвѣло, пришелъ какой шо господской прикащикъ покупашъ изъ обоза рыбу. Былъ онъ землякъ Ломоносову, коего лице показалось ему знакомо. Узнавъ же кшо онъ шаковъ и объ его намѣреніи, взялъ къ себѣ въ домъ, и опшелъ для жишья уголь между слугами шого дома.

У караваннаго прикащика былъ знакомой монахъ въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, кошорой чашшо къ нему хаживалъ. Чрезъ два дни послѣ прѣзда его въ Москву, пришелъ съ нимъ повидашься. Предсшавя онъ ему молодаго своего земляка, рассказалъ объ его обстоятельстввахъ; о чрезмѣрной охотѣ къ ученію; и просилъ усиленно постарашься, чшобъ

при-

(д) Не позабылъ взять съ собою любезныхъ своихъ книгъ, сосшавлявшихъ шогда всю его библіошеку: граммашику и ариемешику.

приняли его въ Законоспаское училище. Монахъ взялъ по на себя, и исполнилъ самымъ дѣломъ. И шакъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семь монастырѣ. (е) Дома, между тѣмъ, долго его искали, и не нашедъ нигдѣ почитали пропадшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пути: тогда уже узнали гдѣ онъ, и что онъ.

Въ монастырѣ обучался Ломоносовъ (ж) съ великою охотою, и оказалъ примѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугода перевели его изъ нижняго класса во второй; въ томъ же году изъ втораго въ третій классъ. Черезъ годъ послѣ того столько спалъ онъ силенъ въ Латинскомъ языкѣ, что могъ уже на немъ сочинять небольшіе стихи. Тогда началъ учиться по Гречески, а въ свободные часы, вмѣсто того, что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвосты, рылся въ монастырской библіотекѣ. Находимыя во оной книги утвердили его въ языкѣ Славенскомъ. Тамъ же сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ ошцевъ и другихъ богословскихъ книгъ,

попа-

(е) А какъ не принимающъ въ сію семинарію положенныхъ въ подушной окладъ, то назвался Ломоносовъ дворяниномъ. Покойной Новгородской Архіерей Теофанъ Прокоповичъ къ Кіевѣ его узнавъ и полюбя за ошибные въ наукахъ успѣхи, призвалъ къ себѣ и сказалъ ему: . . . „Не бойся ничего; хотя бы со „звономъ въ большой Московской соборной колоколъ спали „себя публиковать самозванцемъ, я швой защитникъ.“

(ж) Всупленіе его въ Законоспаское училище было въ 1722 году, при ректорѣ Архіандритѣ Германѣ Копцевичѣ и префектѣ Софроніи Мегалевичѣ.

За Латинскую азбуку посадилъ его іеромонахъ Медостъ Ипполиповичъ.

Въ 1730 году переведенъ въ Латинской грамматической классъ учишеля іеромонаха Германа Канашевича.

Въ 1731, Синтаксисъ преподавалъ ему бѣлецъ Тарасій Посниковъ.

попалъсь въ руки его малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ.

Законоспаская библиошека не могла насытити жадности его къ наукамъ, прибѣгнувъ къ Архимандриту съ усиленною просьбою, чтобъ послалъ его на одинъ годъ въ Кіевъ учиться философіи, физики и математики; но и въ Кіевѣ, пропивъ чашель пустыя только словопрѣнія Аристотелевой философіи: не имѣя же случаевъ успѣшь въ физикѣ и математикѣ, пробыль тамъ меньше года, упражняясь больше въ чтеніи древнихъ лѣтописцевъ и другихъ книгъ, писанныхъ на Славенскомъ, Греческомъ и Латинскомъ языкахъ.

Скоро по возвращеніи его въ Спаское училище, прислано во оное было въ 1734 году (з) шребованіе изъ Пешербургской Академіи Наукъ, о присылкѣ нѣсколькихъ семинаристовъ, которые бы уже разумѣли по Латынѣ, для ученія физики и математики у тамошнихъ профессоровъ. Ломоносовъ

Въ 1732, въ Латинской и Россійской поезіи наставлялъ іеромонахъ Теофилактъ Квѣшницкій.

Въ 1734, слушалъ Ришорику у іеромонаха Порфирія Крайскаго, кошорой послѣ того заступилъ мѣсто ректора сего училища.

Въ Майѣ мѣсяцѣ 1735, ради отличныхъ успѣховъ въ ученіи, ректоръ Архимандритъ Стефанъ и префектъ Антоній отправили его въ Санктпетербургскую Академію Наукъ.

Въ его время покойной Новгородской преосвященной Димитрій Сѣченой былъ еще непосриженъ, и училъ читашъ и писать по Латынѣ.

(з) Показаніе въ жизни сего мужа напечатанной при изданіи его трудовъ 1778. году, будшобы переведенъ онъ былъ изъ Законоспаской въ Пешербургскую Академію 1734 года, есть несправедливо. Нынѣшнимъ сего монастыря ректоромъ Павломъ, особливо доспойною почтенія, найдена своеручная Ломоносова росписка въ пріемъ жалованья, за Генварскую шрешъ 1735 вода, шрехъ рублей пшадесяти копѣекъ.

совь возрадвался давно желанному случаю, и неопшпупно просилъ Архимандрита, чшобь его шуда послаалъ. (1)

Онъ прїѣхалъ съ прочими учениками изъ Спасскаго монашшья въ Пенербургъ, въ состоящую подъ вѣдомствомъ Академіи гимназію. Тамъ слушалъ начальныя основанія философіи и матемашики, и прилежалъ къ шому съ крайнею охашою, упражняясь между шѣмъ и въ стихотвореніи, но изъ сихъ послѣднихъ его трудовъ ни чего въ печать не вышло. Опшѣнную оказалъ склонность къ экспериментальной физикѣ, химіи и минералогіи. Проучившись цѣлые два года начальнымъ основаніямъ сихъ наукъ, и утвердившисъ въ матемашикѣ, назначенъ былъ съ шоварищемъ своимъ Виноградовымъ въ Германію: прежде въ Марбургъ, къ тогдашнему славному философу и матемашику Христіану Вольфу.

По прошествіи шрехъ лѣшъ опшравленъ, по совѣшу сего славнаго мужа, къ искусному горному Совѣшнику Генкелю въ Фрейбергъ, на Саксонскіе мѣдныя рудники учиться практической металургіи и горному дѣлу.

Черезъ годъ возвратился въ Марбургской университетшъ, для продолженія теоріи сихъ наукъ.

Не замедлилъ сдѣлаться силенъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, къ которому еще будучи въ Пенербургѣ положилъ хорошее основаніе. Ошъ обхожденія съ шашошними студентами, и слушая ихъ пѣсни, возлюбилъ Нѣмецкое стихотворство. Лучшей для него писатель былъ Гинтеръ. Многихъ знашнѣшихъ стихотворцевъ вышвердилъ наизустъ. По шашошнимъ ям-

бамъ,

(и) Синобшвовалъ ему и въ шомъ послѣ бывшей синодальнымъ Вице-Президентомъ, Новгородской и Великолутской Архіенископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

бамъ, Хореймъ и дактилямъ началъ размѣрять стопы и въ Русскихъ стихахъ, совсѣмъ новымъ образомъ, несравненно глаже и согласнѣе прежнихъ въ чтеніи. Первой примѣръ шакихъ размѣровъ въ Русскихъ стихахъ оказалъ въ 1739 (1) году, торжественною одою на побѣду, одержанную Россійскими Императорскими войсками надъ Татарами и Турками, или на завоеваніе крѣпости Хошина. Сію оду послалъ онъ изъ Марбурга къ тогдашнему Санктпетербургской Академіи Наукъ Президенту г. Корфу. Ои дана она была для просмотра г. Адаурову, обще съ нѣкоторыми Академиками. Удивились они размѣру стиховъ, которой до сего времени былъ во все неизвѣстенъ въ Россійскомъ стихотворствѣ. Написана ода была Ямбическими стопами на вкусъ Гиншеровъ, подражательно славной его одѣ.

Каммергеръ Корфъ напечаталъ ее. Подалъ въ торжественной день Императрицѣ АННѢ. Разнесена была ко всѣмъ придворнымъ; каждой читалъ ее со удивленіемъ.

Въ то самое время, то есть 1740 года, женился Ломоносовъ въ Марбургѣ тайно, на дочери хозяина того дома гдѣ жилъ, першнаго мастера, которая еще до ошлученія его изъ сего города, учинила его опцемъ.

Живъ онъ въ Марбургѣ, городѣ недалекомъ отъ Гарцскихъ горъ, однимъ жалованьемъ получаемымъ изъ Петербургской Академіи по шрешямъ, содержалъ порядочно свое семейство.

Академія по прошенію его позволила ему побывать на Гессенскихъ рудникахъ, что въ Гарцѣ. Тамъ познакомился

**

ОНЪ

(*) Изъ сего ясно, что г. Ломоносовъ за долго предъ тѣмъ ввелъ стопы въ Россійское стихотворство, какъ г. Сумароковъ, только что выпущенной въ свѣтъ самомъ году изъ Кадетскаго корпуса, учинился извѣстнымъ стихотворцемъ.

онъ со славнымъ торнымъ Совѣшникомъ и мешаллургистомъ г. Крамеромъ, имѣвшимъ тогда уже въ готовности къ напечатанію прекрасное свое сочиненіе, объ искусствѣ раздѣленія мешалловъ. У сего ученаго и искуснаго мужа жилъ онъ довольно долгое время, и много успѣлъ въ практической мешаллургіи. Во осмашриваніи плавильныхъ и разбивныхъ заводовъ провелъ цѣлое лѣто; зимою возвратился въ Марбургъ и остался тамъ до весны 1741 года.

Отъ неминуемыхъ издержекъ на содержаніе скрываемаго имъ семейства своего, и отъ непорядочнаго, можетъ быть хозяйства, впалъ въ нищету и долги; дошелъ на конецъ почти до отчаяннаго состоянія, такъ что непрестанно угрожаемъ былъ шюрмою отъ должниковъ, коихъ удовольствовать не имѣлъ силы. Принужденнымъ себя увидѣлъ уйти изъ сего города, питаясь милостиною по дорогѣ. Изъ полученнаго имъ, не за долго предъ тѣмъ, прешнаго жалованья, не оставалось у него ни копѣйки. Расположился итти или въ Любекъ, или Голландію, и послѣ отправившись моремъ въ Пешербургъ.

Не простившись ни съ кѣмъ, ни же съ женою своею, однимъ вечеромъ вышелъ со двора, и пустился прямо по дорогѣ въ Голландію. Шелъ всю ночь. На третій день миновавъ Диссельдорфъ, ночевалъ, по близости отъ сего города въ небольшемъ селеніи на постояломъ дворѣ. Нашелъ тамъ Прусскаго Офицера съ солдатами, вербующаго рекрутъ. Здѣсь случилось съ нимъ странное происшествіе: пушникъ нашъ показался Пруссакамъ годною рыбою на ихъ уду. Офицеръ просилъ его учтивымъ образомъ сѣсть подлѣ себя, опужиналъ съ его подчиненными, и вмѣстѣ выпилъ, такъ

ими называемую *круговую рюмку*. Въ продолженіе стола разхваливана ему была королевская Прусская служба. Нашъ пупникъ шакъ былъ уподчиванъ, что не могъ помнить, что происходило съ нимъ ночью. Пробудясь увидѣлъ на платьѣ своемъ красной ворошникъ; снялъ его. Въ карманахъ ошупалъ нѣсколько Прусскихъ денегъ. Прусской офицеръ назвавъ его храбрымъ салдатомъ, далъ ему, между шѣмъ, знать, что конечно сыщешь онъ щасшіе, начавъ служить въ Прусскомъ войскѣ. Подчиненные сего офицера именовали его брашомъ.. „Какъ,, опивѣчалъ Ломоносовъ „я вашъ брашъ? я Россіянинъ, слѣдовашельно вамъ и не родня . . . . Какъ? закричалъ „ему Прусской урядникъ, развѣ ты не совсѣмъ выпался, „или забылъ, что вчерась привсѣхъ насъ вступилъ въ королевскую Прусскую службу; билъ съ г. Поручикомъ по „рукамъ; взялъ деньги; пилъ съ нами круговую рюмку за „свое и полку нашего здоровье, и побрашался съ нами. Не „унывай шолько и не думай ни о чемъ, тебѣ у насъ по „любнися, дѣшина ты доброй и годишся на лошадь..

Такимъ образомъ сдѣлался бѣдной нашъ Ломоносовъ королевскимъ Прусскимъ рейшаромъ. Палка Прусскаго вахмистра запечашлѣла у него уста. Дни чрезъ два опведенъ къ крѣпость Вессель съ прочими рекрутами, набранными по окрестностямъ.

Принялъ однакоже самъ въ себѣ швердое намѣреніе, вырваться изъ шяжката своего сосшоянія при первомъ случаѣ. Казалось ему, что за нимъ болѣе присматривающъ нежели за другими рекрутами. Спалъ пришворяшся веселымъ и полюбившимъ солдатскую жизнь. Къ щасшію не посшавили его постшоемъ въ городѣ, а держали въ караулнѣ, гдѣ онъ и спалъ на марахъ.

Караульня находилась близко вала, заднимъ окномъ была къ скаму. Замѣшивъ онъ то, и высмотрѣвъ другія удобства къ задуманному побѣгу, дерзновенно оной предпринялъ и совершилъ щасливо.

На каждой вечерь ложился онъ спать весьма рано; высыпался уже, когда другіе на карахъ были еще въ первомъ снѣ. Пробудясь по полуночи и примѣтя, что всѣ еще спали крѣпко, вылѣзъ, сколько могъ тише въ заднее окно; вползъ на валъ, и пользуясь темнотою ночи, влекся по оному на четверенькахъ, чтобы не примѣтили того стоящіе на валу часовые. Переплылъ главной ровъ, а за внѣшними укрѣпленіями и рavelинной, проминовалъ съ крайнимъ трудомъ контрескарпъ, покрышой ходъ, палисадникъ и тласисъ, и увидѣлъ себя на концѣ на полѣ. Оспавалось зайши за Прусскую границу. Бѣжалъ изъ всей силы съ цѣлую Нѣмецкую милю. Плашье на немъ было мокро. Стало между шѣмъ, разсвѣшашъ. Услышалъ пушечной выстрѣлъ изъ крѣпости, обыкновенно знакъ погони за ушедшимъ рекруткомъ. Овладевшей имъ страхъ придавъ ему силы. Ударился бѣжашъ, сколько могъ, скорѣе. Непрестанно оглядываясь завидѣлъ въ дали скачущаго за собою человѣка во весь опоръ, но успѣлъ однакоже онъ, между шѣмъ, перебѣжашъ за Вестфальскую границу.

Обошелъ изъ предосторожности епископское селеніе находившимся по близости лѣсомъ, остановился въ немъ отдохнуть, сушилъ мокрое свое плашье, проспалъ спокойно до полудни. Возстановя такимъ образомъ силы свои, пустился въ путь и прибылъ чрезъ Арнгеймъ и Утрехтъ въ Амстердамъ, называясь вездѣ бѣднымъ Саксонскимъ студентомъ.

Въ послѣднемъ городѣ Россійской Императорской повѣренной въ дѣлахъ господинъ Олдекопъ, изрядно его принявъ отправилъ, сходственно съ его желаніемъ, въ Гагу къ Россійскому же Послу Графу Головкину на шляпкѣ. Сей Графъ довольствовалъ его чрезъ нѣсколько дней всѣмъ нужнымъ и давъ на дорогу деньги, отослалъ обратно въ Амстердамъ, гдѣ скоро сыскалъ онъ удобной случай отпра- виться моремъ въ Петербургъ.

Еще до отъѣзда своего изъ Гаги, увѣдомилъ онъ оставленную въ Марбургѣ жену свою чрезъ письмо, о пріѣздѣ своемъ въ Голландію къ Россійскому Императорскому Послу Графу Головкину, и что бы не писала къ нему прежде, пока не дастъ ей знать о будущемъ своемъ состояніи, и о мѣсѣ своего пребыванія. Послѣ не могъ болѣе года переписываться съ нею, можетъ быть для того что по пріѣздѣ въ Петербургъ 1741 года, гдѣ скоро пожаловали его адъютантомъ, обстоятельства не позволяли объявить, что онъ женатъ, да и не сказывалъ о томъ ни кому. Жену съ дочерью, по дороговизнѣ Петербургской жизни, не въ состояніи былъ содержать своимъ жалованьемъ.

На возвратномъ своемъ пути моремъ въ отечество, единожды приснилось ему, что видитъ выброшеннаго, по разбитіи корабля, отца своего на необитаемой островъ въ ледяномъ морѣ, къ которому въ молодости своей бывалъ нѣкогда съ нимъ принесенъ бурей. Сія мечта впечатлѣлась въ его мысляхъ. Поибывъ въ Петербургъ, первое его по- печеніе было навѣдаться отъ Архангелогородцевъ и Холмо- рововъ объ отцѣ своемъ. Нашелъ тамъ роднаго своего бра- та, и услышавъ отъ него, что отецъ ихъ того же года по первомъ вскрытіи водъ отправился по обыкновенію сво-

своему въ море на рыбной промыслъ; что минуло уже по-
му чешыре мѣсяца, и ни онъ, ниже кто другой изъ его
аршели поѣхавшихъ съ нимъ, еще не воропились. Сказанной
сонъ и брашнїя слова наполнили его крайнимъ безпокой-
ствомъ. Принялъ намѣренїе проситься въ отпускъ, ѣхашъ
искашъ отца на шомъ самой остроувъ, кошорой видѣлъ во
снѣ, чпобъ похоронитъ его съ достождною чешшю,
ешъли подлинно найдетъ шамъ шѣло его.

Но обстоятельсшва не позволили ему произвешъ на-
мѣренїя своего въ дѣйство. Принужденъ былъ послашъ бра-
та своего, давъ ему на дорогу денегъ, въ Холмогоры съ пись-
момъ къ шамошней аршели рыбаковъ, усильно ихъ во оношъ
прося, чпобъ при первомъ выѣздѣ на промыслъ заѣхали
къ остроуву, коего положенїе и видъ береговъ шочно и по-
дробно имъ описалъ; обыскали бы по всѣмъ мѣстамъ, и
ешъли найдутъ шѣло отца его, шакъ бы предали землѣ.

Люди сїи не опрелись исполнишъ прозьбы его, и въ
шу же осень нашли подлинно шѣло Василья Ломоносо-
ва, шочно на шомъ пущомъ остроувѣ, и погребши возло-
жили на могилу большой камень. Наступившею зимою былъ
онъ о всешъ оношъ извѣщенъ. Внутренняя его скорбь, дав-
но уже многими примѣчаемая, превратившись въ явную,
со временемъ умѣрилась.

Умножилась его прилѣжность въ наукахъ и трудолю-
біе. Сочинилъ разсужденїя о натуральной исторїи и хи-
мїи, доказавшїя членамъ Академїи изящность его ума и
глубокость его знанїя, прїобрѣтшїя ихъ къ нему уваженїе
и открьвшїя ему пушь къ достоинству химїи профессора.

Между шѣмъ оставленная въ Марбургѣ его жена ожи-
дала вшорато отъ него письма цѣлые два года: не знала ку-